

УЛЯ НОВА

ХОРОШИЕ
И ПЛОХИЕ
МЫСЛИ

Улья Нова
Хорошие и плохие мысли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3951025

Аннотация

Это повесть о счастливой и неразделенной любви, о молодых людях, пытающихся быть творческими, казаться независимыми или хотя бы выдавать себя за благополучных и счастливых.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Улья Нова

Хорошие и плохие мысли

– Надеюсь, ты не напишешь обо мне?

– Размечтался, уже пишу...

(из разговора)

Часть первая

Сегодня с утра море беспокойно. Полдень. На спасательной станции эти волны с белой пеной, шипящей шампанским о берег, перепутанные клочки водорослей и оглушительный стук камней определили, как шторм такой-то силы, КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО. Берег полукругом, разноцветными островками на песке – полотенца с маленькими человечками. Я спускаюсь по лестнице из 128 ступеней к морю, бреду по раскаленному песку, стелю свое полотенце. Лежу на солнце. Когда на морском берегу смотришь на солнце, видишь только жгучий белый шар, на белом небе, и глазам горячо. Я иссыхаю как ящерица, раскаленная, иду в море, прямо в волны. Когда волны велики, главное суметь осторожно, бочком войти. Плыву, стараясь, чтобы меня не захлестнуло, и не слышу ничего, кроме шума. Заплываю за буюк. Здесь свобода, а волны неумолимо движутся навстречу. Я играю с грозным морем, мне кажется, что оно – кошка или судьба. Мне нравится это плаванье, когда ощущаешь себя маленькой, хищной, сбитой и крепкой. Море заставляет ощущать себя как никогда живой. Ныряю в волну и под водой открываю глаза, смотрю сквозь соль вниз. Вот она, высота, наполненная слезами. Море нежно со мной. Оно все время о чем-то рассказывает, заставляя забыть обо всем на свете.

Когда оборачиваюсь, оказывается, берег совсем далеко. Я живу... и думаю только об этом мгновении, огромные волны неумолимо надвигаются, одна за одной, я всплываю на них, покоряя. Но, кажется, уже пора плыть обратно.

Теперь волны подгоняют к берегу, а там, в рупор, как оказывается, мне, давно уже истошно кричат, чтобы срочно выбиралась из воды. Остался метр, ну, может быть полтора. Тут, наверняка, можно встать на цыпочки, чувствуя под пальцами песок и камешки. Я знала, что сегодня не утону и не умру, пусть даже и был сильнейший шторм. Сейчас я плыву и думаю об этом, а море, решив подшутить, сбивает с ног, неожиданно подкидывает меня и укрывает. Захлебываясь, кручусь в волне, вперемешку с камнями и тиной, ударяясь о дно, всего в полуметре от берега. Оно все же настигло меня именно здесь. Еле-еле цепляюсь за дно руками, захлебываясь соленой водой, выбираюсь на коленках по песку, поскорей вскакиваю и убегаю от следующей волны.

Там, за буйком, на глубине ты один и нет больше никого, никаких законов. Только ты, на четвереньках летящий над непредсказуемой высотой. Как маленький зверек или бунтарь? И неизвестность вокруг тебя. Но неужели море – опасно. Что есть слово опасность? Всего девять букв, и сколько в нем: соленая вода и раскаленное пятно солнца, брызги, пена, глубина, даль берега. Непредсказуемость, уязвимость, волны.

* * *

Мы лежим на старой софе под накидкой-пледом. Я – в узле рук, уютно пригревшись. Белые тела при белом свете дня. Время прикидывается остановившимся и все же где-то тайно движется быстрее.

Он говорит, что сейчас границы между нами размыты, что чувствует себя немного мной, будто это я смотрю сквозь его глаза. А я смотрю в окно, туда, где противоположенный дом и спутанные волосы деревьев. Скоро и это пройдет, я буду ехать в метро, усталая, удивляясь быстроте превращения настоящего в воспоминание.

Когда-нибудь после, когда завершится мозаика или достроится картинка головоломки, я пойму значение и необходимость каждого отдельного ее фрагмента. Ведь в головоломке не бывает лишних и ненужных кусочков замысловато вырезанного картона. Пойму, зачем они, но будет уже поздно. Останется лишь вспоминать все в свете прозрения и понимания истинного значения моментов. И грусти от того, что все уходит. Ибо, кажется, это и есть характерное качество всего...

Мы лежим, а кошку прогнали в коридор. Кошка молодая, хочет кота, смешно извивается и трется об ковер. Своей пушистой шерстью она уже прилично осыпала нашу скомканную на полу одежду. Каким-то образом кошка и на этот раз приоткрыла дверь, снова пробралась в комнату и вот уже пытается протиснуть свое пушистое тело между ним и мной, важно разгуливает по моим ногам и мурчит. Я целую кошку в нос и уверяю, что после ее хозяина, люблю ее больше всех на свете. И в следующей жизни обязательно буду ее черным котом.

* * *

Около трех месяцев назад я убеждала Фила по телефону, что «мой далекий друг» Ельников хороший человек. Фил поинтересовался, что значит: «хороший человек»? Перед моим мысленным взором предстал Ельников, я стала раздумывать, что же хорошего именно в нем.

Не слишком умен, если не сказать, совсем не умен. Умеет казаться интересным. Добр, но эгоистичен и через себя не перешагнет. Нежен, но ровно настолько, чтобы получить порцию нежности взамен. Груб, когда облачко влюбленности съезжает набок. Строит глазки женщинам, сидящим за соседними столиками, зная, что это меня заденет или считая, что я ничего не замечаю и смотрю в окно. Отпускает меня одну, в ночь, добираться до дома на попутной машине. Рассказывает о знакомых женщинах. Слишком занят работой, постоянно говорит о новых проектах, о приближении выплаты гонорара. Я чувствую себя с ним немного менее одиноко, а после – опустошенной и выпитой. Мне не нравятся его друзья... Иногда начинает преследовать ощущение, что это какая-то игра. И даже не игра, а что-то примитивное, стремящееся к значимости, непрерывное вранье с потугами на правду.

Пью чай из грязных стаканов, которые извлекаю из горы немытой посуды на маленькой кухне, где на столе скатерть – кусок холста с голыми телами, нарисованными черным маркером. Чувствую и знаю: здесь побывало множество женщин и мужчин, которые пили чай из этих стаканов, мочились в этот толчок с подтеком ржавчины на дне, оставляли слизь на сером покрывале раскладного диванчика, рядом с которым на журнальный столик небрежно брошены журналы на немецком и Берроуз с неизменной закладкой на шестой странице. Я смотрю на мою макушку, тонущую за его спиной в зеркале. Его худющая спина и впалая безволосая грудь. Мои перепутанные волосы и размазанная тушь. Белесые худые тела, прижимающиеся друг к другу в зеркальной ледышке. Он говорит по телефону, а я ищу в квартирке следы пребывания других самок и иногда нахожу пахнущие псиной капроновые носки под кроватью. Но мне отчего-то хочется быть героиней этой истории, хоть это совсем нелегко, больно и похоже на колесо, бешено катящееся в тумане с холма.

Иногда мне азартно и любопытно отодвинуть краешек занавески, расспрашивая его, где он провел те три дня, почему не звонил. Приятно, что ничего не планирую и ничего не жду. Весело, что некоторые тоже ошиблись, как и я, те, другие, звонящие, когда мы валяемся на диване, или которые с ним, когда я звоню, а он односложно и бесцветно докладывает о своих делах и предлагает как-нибудь встретиться. Только иногда, по дороге домой, мне ста-

новится невыразимо тяжело от себя самой, такой иной, такой замерзающей, и я всхлипываю в поезде, несущемся по тоннелям метро на другой конец города. А потом, спустя пару дней, сама звоню, и наша история продолжается. Но это не важно, а важен нелегкий путь, пройденный мной, дабы стать главной героиней этой истории.

Вознаграждением были не печати в паспорте и не счастливое будущее, а всего лишь связка ключей от квартиры, которую он снимает. Туда я теперь могу явиться в любое время, навестить его и кошку.

Он непредсказуем и загадочен. Траектория его жизни напоминает то американские горки, то беспорядочные движения одинокого атома в безвоздушном пространстве космоса. И он заражает меня тем же ощущением жизни, тем же движением. И все же этот человек хороший. А еще он – художник. Наверное, я нужна и могу что-то дать ему. На все это Фил возражает:

– Представь, в вагон вереницей заходят нищие: «Сами мы не местные... Нас сорок три семьи на таком-то вокзале, все хотим кушать, деньги у нас украли». Ты что, поможешь всем подряд?

– Нет, обычно я даю деньги тем, кто, на мой взгляд, больше всего в них нуждается, а именно: калекам и музыкантам из переходов, играющих на аккордеонах, саксофонах, флейтах, а так же на гитарах. Или же просто людям, которые поют песни, наполняя музыкой и звуками бесцветные, душные, пахнущие усталостью, мочой и падалью трубопроводы метро.

– Но откуда ты знаешь, что именно они, а не те, что с детьми «Ребенку нужна операция», нуждаются в твоей помощи?

– Ну, тогда нам придется выстроить шкалу наибольшей нуждаемости в нас нищих и любимых, – говорю я, – мысленно прикидывая, какое место на ней занял бы «мой далекий друг», Ельников.

* * *

Я бесцельно брожу по магазинам. Сначала в «Детском мире», в очень дешевеньком отделе на третьем этаже, где разноцветными рядами висят канадские и турецкие куртки для детей. Меня поражает некрасота дешевого. Зато как душевно, в этом есть что-то уютное, согревающее. Вспоминаются похожие отделы магазинчиков из детства. Недалеко от железнодорожной станции располагался заветный универмаг – старенькое серое здание с покосившейся скрипучей лестницей. На первом этаже – отдел игрушек, едва войдя внутрь, я сразу же устремлялась туда. Заворожено замерев, разглядывала кукол, больших и маленьких, разодетых в нарядные платья. А еще плюшевых собак и медведей, машинки и кукольную розовую посуду. Хотелось всего сразу, выбрать что-то одно было пыткой, и я начинала хныкать. А бабушку почему-то тянуло в отделы обуви и одежды, где пахло резиной и дерматином, где стояли гордые ряды новых туфель, и висели разноцветные кофточки. Как-то она купила синенькое пышное платье с рыбками «у каждой девочки должно быть нарядное платье». Большущая продавщица с белыми кукольными волосами застегивала сзади молнию. Я чувствовала себя самой несчастной в мире в этих синих оборках и длинной юбке. И поглядывала на сумку, где скрылся брючный комбинезон, придававший мне, по словам бабушки, сходство с беспризорниками двадцатых годов, будущими воспитанниками Макаренко. И по случаю покупки нарядного платья я обиженно молчала всю дорогу домой.

Хожу между рядами детской одежды, смотрю на цены, не без тревоги думаю, что когда-нибудь у меня появятся дети. Понравилась красная юбка-шотландка, захожу в примерочный «ящик», пытаюсь натянуть, но детская юбка мне не в пору – как символично. Разглядываю крошечные кофточки, рубашки, ряды лакированных туфелек и ботиночек. Они такие красивые, кажется, так подошли бы мне, но они восьмого и т.д. размеров.

В отдел неторопливо wpłyает трио: родители и трёхлетнее дитя. Родители приблизительно моего возраста. Они похожи на взрослых животных, расслабленных и самодовольных. Они серьезно осматривают какую-то куртку, а дитя, пританцовывая на другом конце отдела, смотрит распахнутыми глазенками на небо и птиц в окне, тычет пальчиком, что-то воркует. Потом срывается и несется между рядами курток, курлычет, изображая индейца. Мамаша ловит его за руку, легонько шлепает, наклонившись, чуть слышно бормочет что-то на ухо. Молодой отец смотрит в сторону утомленным, пустым, отсутствующим взглядом. Я еле сдерживаю улыбку: вся эта сценка напоминает кадры из передач, посвященных жизни шимпанзе в дикой природе.

Слова «остепениться», «определиться» мне чужды. Я меряю еще две-три детские кофточки, рукава слишком коротки, спрашиваю, нет ли размера на два побольше, и продавщицы осуждающе оглядывают меня. Прогуливаясь между рядами кустарно пошитых сине-красных курток, думаю о поколениях, вырастающих в них. Так хочется жить красиво, пусть не богато, но чтоб каждое мгновение, уходящее в прошлое, было любимым, чтобы старая одежда наводила воспоминания, от которых улыбаешься, чтобы даже самые грустные мгновения были окрашены и наполнены музыкой.

На Никольской стою, ем суфле, а толпа людей движется мимо по весенней улице. Кожано-замшево-драповая. Черно-коричневая болотистая жижа толпы. За спиной Кремль – строение странной архитектуры с готическими окнами, обведенными белым кантиком, с острыми башнями, которые почему-то не тянутся в небо, но пытаются закрепиться здесь, на земле. Красный кирпич, изумрудные камешки звезд. А по улице, как по сосуду, снуют люди-частички. Кровоток города. Но сегодня светит солнце, поэтому я окрашиваю все это в оптимистичные тона.

Витрина. А в ней – голые манекены. Голые манекены тоже интересны, они не сексуальны, но привлекают внимание. В этой маленькой витрине аж три пластиковых голых манекена. Двое сидят напротив друг друга – широко расставив ноги. Третий стоит чуть поодаль. А рядом на полу разбросаны их руки.

Я в очереди в модный отдел, с одной стороны стоит одетый манекен мужчины, с серьгами в ушах, он отвел пластмассовые глаза, ведь у меня невымытые волосы, это делает мой вид не пластиковым, не модным, не здоровым, не красивым, не сексуальным. Напротив манекен женщины «unisex». Во что они превращают людей? Как здорово было бы, если б люди ходили голыми. Наверняка, это бы резко уменьшило процент растворенной в воздухе лжи, количество маньяков, и рождаемость поползла бы вверх.

Модный магазин – заграница на выезде. А еще магазины сами по себе чем-то напоминают людей: снаружи – зеркальные витрины, какие-нибудь деревянные панели, вывеска, крыльцо, козырек, двери разнообразных конструкций. Входишь внутрь, и обнаруживается множество ненужного хлама, аккуратно развешенного вдоль стен под видом модной одежды. Но заставляет остаться музыка радио, прислушиваясь к песне, продвигаешься между рядами надушенного дорогого шмотья. Даже в самом никчемном магазине музыка может задержать.

* * *

И вот, именно в одном из таких бутиков, неожиданно вспоминаю, как история началась.

Приблизительно год назад, в апреле, я писала для одного тоненького журнала. В тот день, вдруг, оказалась в странной невесомости и пустоте, словно вошла в шар, где вакуум. Домой идти не хотелось, зачем-то отправилась в редакцию, просить удостоверение: может быть, тогда удастся взять несколько интервью.

Белый коридор редакции с коллажами из старых газет в больших хромированных рамках. Двери комнат. Все новое после недавнего ремонта, еще пахнет краской. Сажу в огромной квадратной комнате, заставленной лабиринтом столов, жду заместителя главного редактора, милую говорливую тетюшку, которая меня неплохо знает – ведь я пишу им безумные статьи о снах и еще рассказы о любви, в каждый номер, которые выдумываю за день-другой, лежа на диване, а потом по месяцу дожидаясь гонорара. И теперь мне кажется, что я знаю о любви все. В последнем, апрельском номере, напечатали мой рассказ «Бордовые георгины». Раскачиваюсь на сером компьютерном стуле, рассматриваю стеллаж, на котором красуются все вышедшие номера журнала, с фотографиями девушек на обложках и разноцветными подписями-заголовками. Вытаскиваю апрельский номер, не без гордости открываю на тридцать шестой странице. Вот он, мой рассказ.

Бордовые георгины.

Утро. Изморозь. Серо-коричневая умирающая зима плавно на цыпочках отступает, наполняя кровь кипящими, борющимися и любящимися демонами.

Рассудок остался на кухонном столе. Лениво лежит рядом с чашкой недопитого кофе. Свободное, мягкое и пушистое – новая Я, ощутила в себе искры, острые зубки и когти. Стала котенком, который бьется из стороны в сторону, ища пространство вырасти в блестяще-черную кошку.

Еду на метро в университет. Вокруг серьезные люди, скованные целями, планами и долгом. Рассудком. Их глаза убегают, смотрят в пол, упираются в книги, рассматривают катышки на одежде. Нечаянно встретившись друг с другом, поспешно разлетаются в разные стороны. Каждый едет один. В своем полусне.

Прохожие, машины, здания, я, – все тает, все минутно, все мы – призраки, мечты могучего воображения, рассеивающийся дым, абсурд. Город-мираж, по его улицам тихо и нежно ходит Любовь. Воздух наполнен ароматом ее духов с ноткой пряной истомы. Одежда, шторы, скатерти столиков в кафе пропитаны дымом ее сигарет, и сладкий пепел лежит на черном мокром асфальте, на руках, плечах, губах людей, не подозревающих о ее близости. Проходящих мимо, погруженных в свои мысли. Вдруг, неожиданно, проскользнет и исчезнет за поворотом краешек ее темно-вишневого платья. А я мучаюсь, бегаю за ней, хочу увидеть ее лицо.

Лекция. Зал амфитеатром. На сцене за кафедрой что-то говорит лектор. Рядом со мной за изрисованной каракулями партой сидит сокурсник Вася. Он молодцевато рассказывает, как вытаскивал свою машину из кювета. Я с пониманием киваю в такт его рассказа. А сама представляю Васю, долговязого, наивного, с большими зелеными глазами, катающим маленькую жестяную машинку по паркету. И мне смешно, но я стараюсь казаться серьезной, чтоб, засмеявшись невпопад, не обидеть его. Все вокруг жужжит, я чувствую слабость и тяжкое растворение в полусонной лени. Вдруг, накатывает и захлестывает волна шума, гогота, хора нарастающего числа голосов, шелеста: лекция закончена. Сокурсники группками, кривляясь, гогоча, задирая друг друга, покидают зал. Амфитеатр пуст. Я стою внизу, у сцены-кафедры и смотрю вверх на полукруглые ряды парт и скамеек. На самом верху Вася поспешно укладывает в рюкзак тетрадку, так и не открытую сегодня.

– Подброшу тебя до дома? – вроде бы небрежно бросает он.

– Если тебе не трудно, спасибо, – вроде бы скромно отвечаю, рассматривая линолеум и свои ноги в черных кожаных ботинках на толстой рифленой подошве.

Болтая о чем-то на ходу, не замечаю, что уже в машине. Еду, разглядывая тающую улицу, иногда искоса, украдкой изучаю Васю.

– Что завтра делаешь?

– Сажая георгины на даче. Очень люблю георгины, особенно темно-бордовые, пушистые.

– Да ну, траурные цветы. Уж лучше пионы или тигровые лилии.

– А мне больше нравятся георгины... Они строгие. Цветут осенью, под дождем.

– А вечером приедешь – может, сходим в кино?

– Ладненько, я тогда звякну.

Мы молчим. За окном – магазины с вывесками, светофоры, пешеходы, весенняя уличная суета. Вдруг, вижу, что Она идет по тротуару, босиком, в длинном, легко развевающемся от быстрой ходьбы платье темно-бордового цвета. Кудряшки золотистых волос прыгают на плечах. Куда-то спешит, сталкивается с идущими навстречу людьми, не замечающими ее.

– Ты не остановишь машину?

– Что?

– Пожалуйста, останови машину.

– Я что-то не так сказал?

– Пожалуйста, останови, – кричу я.

– Что, прямо здесь?

Он боится очередным вопросом окончательно разозлить или расстроить меня. Останавливается. Выскакиваю из машины, даже забыв попрощаться.

Бегу за Ней. Она идет медленно и плавно, никого не замечая. Почти догнала, но она заходит в полупустой автобус, который увозит Ее неизвестно куда, прочь. Кто-то плеснул воды на акварельную картинку, все поплыло. От разочарования потерялась, не могу понять, где я, бесцельно хожу по улицам, разглядываю витрины, читаю объявления и афиши. Смотрю в занятые чужие глаза.

Возвращаюсь домой рассеянная, не могу вспомнить, где пакет с клубнями георгин... вяло звякнул пейджер – это шофер отца уже подъехал к дому и ждет меня... Мы едем через серо-бурый пригород на дачу... Кладу клубни, похожие на растопыренные толстые пальцы, в землю... перепачкалась, пролила на себя полведра воды – так бывает, когда мысли где-то не здесь. Ведь в переулках города, на каменной мостовой, еще не смыты холодным дождем следы ее босых ног, пепел ее сигарет.

Долговязый Вася смущенно дарит мне желтую розу. Его рука едва заметно дрожит. Не люблю желтый цвет, боюсь, бегу без оглядки от любого оттенка. Благодарю Васю и, улучив момент, незаметно бросаю розу на заднее сидение. Мы едем в кино. За окнами – вечеряющий город, деревья в гирляндах горящих фонариков, как будто цветущие звездами. Темные силуэты людей, освещенные витрины. Высоко-высоко, непонятно где, звучит тонкая, щемящая нота.

В маленьком кинозале кроме нас еще человека три-четыре. Старый черно-белый фильм. Я внимательно смотрю, а Вася дремлет, положив

голову на руку. Дерутся. Убили. Мне жутковато, я прижимаюсь к Васе. А он, истолковав мое движение совершенно иначе, сжимает мою руку и гладит. Его рука влажная. Наши щеки трутся, мы целуемся в губы. Он взволнованный и милый. Наши руки обнимаются и танцуют. Мне тепло и до неприличия хорошо. Кто-то, одиноко сидящий впереди, вскакивает и направляется к выходу. Свет, прорвавшийся из открытой двери, освещает выход и человека в темно-бордовом платье, «это же Она!», поспешно вырываю руку из теплой Васиной руки и бегу вослед. Безмолвно ношу за ней по бесконечным лестницам киноцентра. Она плавно, но необыкновенно быстро спешит, не оборачиваясь, к какой-то неизвестной мне цели.

Полутемный коридор. Протянуть руку, схватить за золотистые волосы, больно – зато увидеть ее лицо, узнать, какая Она. Кто Она. Мы быстро идем по коридору, расстояние сокращается, она открывает одну из боковых дверей, скрывается внутри, через минуту за ручку двери с медной табличкой «Кинофонд» хватаюсь я, но комната заперта. Я дергаю дверь – закрыто; подбегаю к соседней, дергаю – заперто; мечусь между закрытыми дверями, не понимая, где же Она, куда же Она сбежала от меня на этот раз. Все двери заперты. В полутемном коридоре душная, соленая, плачущая тишина.

Повесив голову, спускаюсь по лестнице. Встречаю растерянного Васю. Мы стоим на ступеньках и, молча, смотрим в глаза друг другу. Его глаза влажные и блестят. У него несчастный, виноватый и взволнованный вид. Я целую его в щеку:

– Все хорошо, – а про себя прибавляю – «малыш».

И мы выходим на улицу, так и не узнав, чем же закончился фильм. Подморозило. Если будет холодать, георгины не вырастут. Вася, счастливый, что-то рассказывает... а Она где-то совсем близко, даже шелест ее платья слышен.

Смешная девушка с двумя детскими косичками в бордовом шерстяном платье смотрит на меня своими черными глазами, нахмутив бровки. Улыбнулась. Это я примеряю только что купленное перед зеркалом. Мой пес носится вокруг, лает, просит, чтобы я скорей пошла с ним гулять.

Парк. Серо-черный. Голые деревья тянут в небо корявые многопалые ветви. Пес нашел подружку, похожую на него дворняжку, они сначала обнюхали друг друга, смешно помахивая хвостами, а теперь носятся по парку, играют, нежно кусаются, лают. Я сижу на спинке скамейки, грязно-белое сидение усыпано коричневыми прошлогодними листьями. Сзади подкралась Она. Гладит меня по голове. Я притаилась. Резко схватила ее за рукав, хочу увидеть ее лицо. Она отвернулась, змейкой вырвалась, оставив оторванный кусок манжеты в моей руке. Бежит прочь, хлюпая по лужам, по тающему серому снегу. А я стою и смотрю ей вслед. На фоне серого неба – черные стволы лип. По грязи босиком бежит Она вглубь парка, ее легкое темно-бордовое платье и золотистые кудри мелькают меж черных стволов. Сжимаю обрывок. Распахиваю ладонь, но в ней оказывается бордовая георгина, которая увядает на глазах.

Мы с Васей одни у него дома. Вечер. Тихо. Стоим на балконе... Темные химеричные деревья, дом напротив с редкими светящимися окнами. Неожиданные уличные звуки. Весенний ветер. Запах талого снега. Вася

задумчиво курит. Потом, вдруг, бросает сигарету и притягивает меня к себе. Долгий поцелуй. Как же тепло.

Мы мурлычем друг другу всякие нежные глупости. Совершенно счастливый, он провожает меня до дома, то и дело, сминая и целуя. Вырываюсь. Кусаю его в губы. Убегаю в ночь.

– Любви нет, а есть только инстинкты, расчет да разврат, – отвечает бабушка на мои расплывчатые расспросы.

– Жаль, – грустно говорю я, пью сливовый компот и думаю о Любви, которая ходит по улицам призрачного города. Может быть, она-то как раз и существует, а всего остального, включая нас, не было, нет и не будет. Все мы – лишь дым, готовый рассеяться и исчезнуть в любое мгновение туман, абсурд.

Молчаливый спутник, Вася, послушно сопровождает меня по бестолковым киношкам, где я отдыхаю от безумной и бесплодной погони, поглощающей меня все сильнее с каждым днем. Она появлялась лишь несколько раз, мельком. Оставила жесткий, вьющийся, пахнущий истомой и сандалом волос на расческе. Как-то утром украла мою губную помаду, юркнула в открытую форточку и убежала в небо. На голубом, чистом... ее легкость. Стремительный и игривый бег по воздуху ввысь. Снова не разглядела лица, но, взглядываясь Ей вослед, я поняла, что Она – самая реально существующая выдумщица, когтистая кошка, бесстыжая нежнища, озорная абсурднища. Чокнутая в темно-бордовом платье. А можно проще – Любовь.

Я рассеянная, почему-то у меня тяжело на душе. Сокурсник на днях сказал по секрету, что Вася болен мной. А я ответила на это, что все они – мартовские коты, и цитировала бабушкину фразу об инстинктах, расчете и разврате. Вася тоже рассеянный и задумчивый, мы больше молчим, когда он подвозит меня на машине до дома.

Какой-то сегодня беспорядочный день. Мы сбежали с занятий, толкаемся в магазинах, пьем чай в кофейне, он подарил мне желтого игрушечного тигренка, наконец-то нашли часы, которые понравились и мне, и ему.

– Вот ты и перестал быть счастливым, – сказала я, разглядывая поблескивающий циферблат. Тонкая золотистая стрелка безостановочно бегала по кругу.

– Почему же перестал, у меня есть ты. Ты у меня есть?

– Да, конечно, если я только вообще есть.

Вечером еду на дачу. Упросила шофера и теперь веду машину сама, сквозь весну. Думаю о Васе, мне тепло и нежно. Серая дорога, с шумом проносятся мимо машины, полосатые заправочные станции, светофор. Перекресток. На перекрестке стоит Она. А, может быть, Она – всего лишь плод моего воображения, сколько можно бегать непонятно за кем? И я тону в мыслях о милом, милом Васе.

Из-за угла вылетает темно-синяя машина. Торможу изо всех сил. Уже поздно. Она, обернувшись на звук визжащих по асфальту шин, смотрит с тревогой. У нее мое лицо. Боже, какая боль! Через минуту я перестану быть где бы то ни было.

... где-то там, далеко-далеко – бордовый бархат и георгины. Вася смотрит на золотистый циферблат своих новеньких наручных часов.

И меня больше нет. А по призрачному городу разгуливает Смерть, развратница с распущенными золотистыми волосами и растекшейся тушью. В темно-бордовых лохмотьях. Превращая все в дым, разводя и разлучая всех вокруг.

Наконец, явилась оживленная и говорливая тетушка, заместитель главного редактора. Гонорары за последние номера никак не начислят, я намеками и напрямик прошу выписать мне удостоверение и обещаю за это принести что-нибудь необыкновенное. Она понимающе кивает, делает бодрый приглашающий жест и ведет в соседнюю комнату. Здесь бежевые, крашенные водоземлюсионной стены, серый ковролин и возле окна – необъятный зеленый компьютер на пластиковом столе. Вдруг, по волшебству, по мановению руки тетушки-зама, от компьютера отделяется движущаяся деталь, тоже зеленая. Меня представляют главному художнику журнала: «Познакомься, наш главный художник, Коля Ельников. Коля, нарисуй автору какое-нибудь удостоверение и не забудь выставить на нем печать журнала, да пожирнее». Он снова исчезает, принимается что-то прилежно выстукивать на компьютере. Стою рядом, без интереса разглядываю это блеклое худое создание. Из большого принтера выезжает мое удостоверение и я, тихо распрощавшись, иду за подписью к доброй тетушке-заму. А ее опять нет. Что ж, подождем, спешить мне некуда – снова терпеливо покачиваюсь на стуле, разглядывая разноцветные обложки журналов.

Этот блеклый бесшумно возникает в комнате, будто вползая или паря по воздуху. Садится рядом и начинает воспитанно и дружелюбно разговор о предстоящем номере и проблемах с гонорарами. У него тихий хрупкий, улетающий голос. Я говорю, что работаю внештатно, он небрежно приглашает меня завтра на вечеринку в какой-то клуб, где соберется много народа из разных редакций. Ухватываю последнюю фразу. В тайной надежде осуществить свою мечту – постоянное место сочинителя рассказов о любви и стабильная зарплата – с удовольствием принимаю приглашение. Между тем, приходит добрая тетушка, ставит свою подпись, я укладываю новенькое удостоверение в сумку и медленно направляюсь к выходу. Он ловит меня в лабиринте коридора и небрежно бросает:

– Кстати, делать особенно нечего. Я сейчас иду обедать. Хочешь, пошли вместе.

Через минут пять мы, как давние знакомые, ловим машину, несемся по Москве от Беговой к Арбату. И там плутаем по пыльным, окутанным апрельским солнцем переулкам.

* * *

В «Кризисе жанра» полумрак и черные деревянные стены. Мы сидим за черным деревянным столом. Очень мало людей, обычно здесь столпотворение по вечерам и в выходные. Он рассказывает своим тихим, чуть дрожащим, струящимся голосом. Узнаю, что передо мной внук какого-то генерала, его дед дошел в войну до Берлина, остался там, женился, служил в посольстве. Теперь в Берлине у него родители и брат. Он учился в Берлине в художественном колледже и с шестнадцати лет живет один. А в восемнадцать, после несчастной любви и провала на экзамене взял, да и переехал в Москву. С билетом в один конец и небольшой спортивной сумкой. Сначала скитался по чердакам, жил в разрушенном старинном особняке без крыши, точнее, крышу заменяло небо. Зато в его распоряжении было шесть просторных комнат с отсыревшими обоями. Потом особняк окончательно списали под снос, а всех нелегальных самовольных жильцов – разогнали. Продавал на Арбате картины, которые рисовал вечерами, где уж придется. Со временем стал ходить в клубы, там перепознакомился с разными известными людьми, работал в рекламном агентстве, потом стал главным художником журнала. Вся эта история заставляет меня присмотреться к нему вни-

мательнее, я испытываю уважение и нарастающий интерес к этому человеку. Мне надоели простые истории и плоские однозначные персонажи.

Мой дед тоже когда-то дошел до Берлина, работал военным врачом в госпитале, который располагался в старинном замке. Там родился и жил до шести лет мой отец, родным языком которого стал немецкий. Потом мой дед вернулся, хотя его и уговаривали остаться еще на некоторое время: работать врачом, продолжить научные исследования, начатые еще до войны. Дед все же вернулся домой, в Москву, привез с собой всякие забавные безделушки, напоминавшие ему о войне и о победе. С тех пор в доме много немецких книг и памятных вещиц, вроде бонбоньерки, пепельницы, бронзовой статуэтки Дона Кихота. И еще есть большая напольная ваза из какого-то редкого стекла, тоже привезенная дедом из послевоенного Берлина, на память.

* * *

Пухлые губки, косая челка бесцветных, похожих на солому, волос, близко посаженные остренькие и настороженные темно-зеленые глаза. Где же я могла видеть это лицо? В нетерпении и замешательстве принимаюсь листать воображаемый каталог фотографий с лицами, встречавшимися в моей жизни. Лица, лица, личики. Мелькнувшие вдалеке и задержавшиеся на мгновение. Лица, показанные крупным планом, застрявшие в памяти, запутавшиеся и накрепко оставшиеся в ней. И вот, наконец, вспоминаю.

Раз в крещенский вечерок и я гадала. Одноклассницы рассказали, что под кроватью надо построить из спичек подобие колодца, положить рядом с ним закрытый навесной замок, а ключ спрятать под подушку. Тогда будущий суженый непременно принесет запасной ключ от замка, который у него, конечно же, есть. Этот вариант мне нравился больше, нежели наесться на ночь соли и ждать пока во сне вышеуказанный принесет стакан воды. Я уложила ключ под подушку, долго ворочалась, но в итоге кое-как уснула. И что же? Долгое время ничего не было. Вообще никаких снов, только темно-сизый, непроглядный туман. Потом из сумерек вышел некто. Странный-престранный, совсем не такой, кого я могла ожидать, такой, что я даже не знала во сне, радоваться или сокрушаться. Вышел из тумана высокий, худощавый и удивительно гибкий человек. Остановился. Стоял в серой дымке, слегка покачиваясь, усмехался каким-то своим мыслям. Помолчал-помолчал, потом с издевочкой, нагло заявил:

– Я, знаю, что сейчас у тебя никого нет, – качнулся, осмотрелся по сторонам, отшвырнул в сторону окурков. И слегка зловеще (или мне во сне так показалось) добавил, – Ну, вот я и пришел, – далее, как в фильмах, крупный план: соломенная челка и острые, колючие, болотного цвета глаза.

Я проснулась разочарованной. Решила, что не то гадание выбрала. И вот сегодня встретила очень похожего, загадочного персонажа. Сажу напротив него за черным деревянным столом, беспечно озираю редких полуденных посетителей «Кризиса жанра». Искося наблюдаю за своим новым знакомым. Мне любопытно, что же будет дальше. И все это затягивает меня в темный туннель, в какую-то новую историю.

* * *

Вечером следующего дня почти бегу вдоль окон кафе «Дели-Франс». У двери высокий и до безобразия тощий Коля ждет меня в съехавшей набок, защитного цвета фуражке из вельвета. Улыбаясь, он целует меня в щеку, а точнее, чуть ниже, в уголок губ, будто мы знаем друг дружку уже много лет. Не успели сесть за круглый столик возле окна, появляется его друг – Леонид, как оказалось, второй заместитель главного редактора их журнала – с какой-то вертлявой девицей. Мне не понравилось, что Леонид удивленно окинул меня с

ног до головы, будто в этом самом плетеном кресле должен был сидеть кто-то другой (так потом и оказалось), и как он весь вечер бросал на меня иронично-изучающие взгляды, которые очень не люблю – сразу чувствуешь себя срезом червяка под стеклом микроскопа. Кому какое дело, кто я. До этого вечера я считала, что такие изучающие, проникающие вглубь взгляды имеют право бросать только я. С моей претензией на знание глубин человеческой природы и интуицию: как-никак, начинающий писатель, специализирующийся на пронзительных историях о любви.

И вот, два блеклых молодых человека, какие-то несуразные и придурковатые персонажи, старательно пытающиеся кого-то из себя изобразить, плюс девица – художник-модельер, слегка подвыпившая, явно случайная женщина, с интересом изучают меня и, многозначительно посмеиваясь, переглядываются.

Посидели, посидели да и отправились в клуб «Четыре комнаты». Люблю гулять в центре ночной Москвы, когда она вся в бижутерии огней и вывесок.

* * *

На Красной площади пришлось остановиться: в темноте шла репетиция предстоящего парада, посвященного 9 мая. Перед мавзолеем стояли военные машины, в сумраке на фоне кремлевской стены с грохотом шагали ровные ряды солдат, похожих на заводные манекены. Люди в военной форме сустились с рациями, всюду проникал запах кирзы и резины, и в ночи цвет хаки выглядел почти черным. Как тревожно выглядит множество поблескивающих пуговиц, как жутко звучат одновременные шаги тысячи ног организованной лавины людей. Казалось, мы угодили прямо в экран, идет какое-то кино, сценария которого я пока не знаю, и что требуется от моей роли – тоже. Военные возле ограждения не поддались уговорам, не пропустили нас, пришлось идти в обход – темными переулками к гостинице «Балчуг», где находится клуб.

По дороге, не зная, о чем обычно говорят, направляясь на вечеринку в клуб, я рассказывала Коле сказку про Горе. Есть такая русская народная сказка. К одному бедному мужику ни с того, ни с сего стало наведываться Горе, тащило в кабак, пить. Мужик сначала терпел, подчинялся, потом как-то взял, налил вина в кувшин и говорит Горю: «Полезай и пей». Горе влезло в кувшин, мужик его, как джина, закупорил. И бросил в реку. А у меня тоже как-то раз не все ладилось, и я кинула в Москву-реку маленькую глиняную вазочку с предполагаемым Горем. А подруга, наполовину кореянка, Кимса, когда я ей рассказывала эту сказку, вдруг, спросила, а что делать, если Горе заключается в любви к недостойному человеку.

Я все это тараторила, а Коля шел рядом, молчал, слушал, недоумевая, зачем я ему все это рассказываю. А я просто пыталась себя развлечь. Не люблю ходить, молча. Люблю болтать без умолка, заговаривая людей до одурения. Кстати, обычно Коля подписывает свои работы на немецкий манер: Ельникофф.

* * *

Около клуба ошивалось много журналистов, богемных, какбыбогемных, опустившихся и совсем уж сомнительных личностей. Было темно и сыро. Нас пустили внутрь. Из темноты – в дымно-табачную атмосферу, в оглушительный грохот музыки. Оказалось, в каждой из четырех комнат музыка играла разная.

В круглой комнате на потолке висел прожектор-шар, освещающий прохладный полумрак мечущимися блестками. Я сидела рядом с художником, наблюдала за танцующими людьми и огоньками, беспорядочно мерцающими на их лицах. Кто-то уходил, кто-то подходил, Коля здоровался со знакомыми, перебрасывался с ними несколькими словами, как я поняла, ника-

ких работников редакции на вечеринке не было. Значит, меня обманули. Я была разочарована. Сидела тихо и удивлялась, как хитро меня сюда затащили: «вечеринка редакции, будут люди из разных журналов», а ведь иначе я скорей всего и не пришла бы.

Зазвучала другая музыка, комната постепенно опустела. Мы сидели вдвоем. Я заворожено наблюдала движения светлячков лампы и не думала ни о чем. Сидящий рядом, видимо, думал о чем-то и очень медленно, медитативно поглаживал мою коленку. Я соврала, что у меня есть любимый человек. Бывший сокурсник, Вася. Тогда, неожиданно, он очень уверенно и грубо обнял меня, уложил руку с длинными костлявыми пальцами, похожую на большого паука, мне на грудь, впился губами в мои губы. И заявил:

– У меня тоже есть девушка, Евгения, – и к моему изумлению нагло добавил, – ничего страшного, будем любовниками.

– Нет, не будем, – возмутилась я, – а ты, наверное, не любишь свою девушку?

– Вот именно! Не люблю.

– А ты кого-нибудь вообще любишь, кроме себя?

Он сказал, что любит свою бывшую одноклассницу, которая осталась в Берлине.

– Я делал все, что мог, из кожи вон лез. Но она так и не полюбила меня. Я больше не мог оставаться в городе, где каждая скамейка, улицы и дома – все напоминает о ней. Я уехал. Поначалу писал ей каждый день длинные письма, потом накопил денег, ездил туда, но она оставалась такой же холодной, сказала, что не может меня полюбить и даже сама не рада. Она никого не любит. Просто живет и рисует картины.

Мы, молча, движемся вдоль реки в сторону Арбата. В темноте на набережной чугунный шар разрушает старый особняк, слепо, черными дырами своих окон наблюдающий за нами и рекой в последний раз. Мы пробегаем мимо, чтобы пыль и песок не попали в глаза и волосы, а осколки кирпичей умершего дома не заделали нас. Разгоряченный совместным бегом, он сжимает меня, притягивает к себе и умоляет поехать к нему. Развязно заявляет, что никакого молодого человека у меня нет. Что меня видно насквозь. А я говорю, что не хочу сегодня ехать к нему. И не поеду. Но это не мешает нам идти в обнимку по ночной набережной мимо черной ленты реки.

Остановились. Стоим на лестнице моста. Я в его чудной вельветовой фуражке. Тремся носами. А кругом – сине-серая тающая ночь, сизый мост, лестница. Москва мигает глазами утренних огней. Или, как у Бродского – розами фонарей, хотя, когда они светят голубым, больше напоминают васильки.

У Манежа голосуем. На заднем сидении ругаемся, будто бы знакомы давным-давно.

– А что же это твоя девушка, Евгения? Небось, ждет звонка!

Он зловеще бормочет, что с ней у него все только начинается, а сейчас она как раз поехала отдыхать на море.

– Она тебя любит?

– Говорит, что любит.

– Иногда это отличный способ привязать к себе человека, – болтаю я, а он отстраненно смотрит в окно.

Тогда я объясняю, что он совершенно не в моем вкусе. Но, кажется, мы могли бы быть друзьями. На это он, оскалившись, шипит, что друзья ему не нужны, а нужна любовница. Мы совсем разругались, сидим по разные стороны заднего сидения, отвернувшись друг от друга. Возле своего дома я выскакиваю из машины с уверенностью, что никогда больше его не увижу.

* * *

Дома я злюсь, наливаю чай. Пью, смотрю в окно. В стекле мое отражение с чашкой в руке. В доме напротив, на пятом этаже, как всегда не зашторено окно и включен компьютер – васильковый цвет экрана и рябь. Видимо, кто-то спит, забыв выключить. Или работает ночью.

Странно, что именно сегодня, ранним утром, оставшись наедине с собой, я впервые задалась вопросом: «кто я» – скользя взглядом по темным крышам домов. Кто я, куда иду, и туда ли, куда действительно хочу? Пока повернуться и сменить направление не поздно. Вслед за тем захлестывает неуютное ощущение от прошедшего вечера. Это какая-то чужая история, которая не должна была приключиться со мной. Вдруг, становится по-детски обидно: «мне не нужны друзья, мне нужна любовница», – это он говорит мне. Чувствую себя какой-то уцененной ношенной блузочкой в магазине second-hand. Долго ворочаюсь, бормочу возмущенные запоздалые колкости, никак не могу заснуть от обиды и злости.

* * *

На следующий день одна отправляюсь в кино. Все мысли только о том, где бы найти сюжет будущего рассказа. Я же обещала доброй тетушке-заму принести что-нибудь необыкновенное. Ищу историю. Разглядываю людей вокруг.

Внутренний фон накладывает на глаза какую-то незримую пленку, сквозь нее лица, предметы, улицы, здания меняются. Картотека пленок в моей голове. Они вкладываются, как кадры, в особый диапроектор. На белом полотне экрана отображается нечто. Пленка сытости. Довольства. Розовые стекла. Грусть и апатия. Критика всего окружающего. Желтые стекла. Черно-белое. Логичное. Иррациональное. Клетчатые и полосатые. Выборочные. Выделяющие. Я передвигаюсь в своей плоскости людей и лиц. И вижу лишь то, что хочу сейчас. Все это диктуется особенностями выбранной пленки.

Интересно, смогу ли я однажды увидеть все по-другому. Сразу. Правдиво. Со всех сторон. Почувствовать, как «все сразу» притягивает к земле неизмеримой массой. Тогда придется видеть не просто старушку с авоськой, мирно бредущую мне навстречу по такой-то улочке. Но увидеть необозримую массу, вдавившую ее в нее саму. И разложить компоненты. Школа. Первая любовь, первый аборт, гражданский брак, совместное имущество. Война. Работа, терпение и труд. Сын спился после армии, внук просит денег: «Бабуль, маме опять задержали зарплату». Свобода, ограниченная вещами. Медленно, годами, мы проявляемся в тех, какими, в итоге стареем и умираем. И руки извне день ото дня все отчетливей прорисовывают наши лица.

Надо писать новый рассказ. Нужен главный герой, нужен сюжет, а на душе тоска и пустота. Нет постоянной работы, денег в обрез и еще этот странный тип, наглый художник с немецким гражданством. Редактор пометил на двух рассказах «красиво, но неправдоподобно» и попросил прислать что-нибудь другое. А мне так хочется создавать красоту. Пусть и неправдоподобную. И еще – чтобы мои истории были теплыми. Я хочу быть ангелом-хранителем и делать своих героев счастливыми.

Хотя почему бы не попробовать другой метод – написать что-нибудь прямо из жизни, не придуманное, не приукрашенное, как есть. А героями сделать обычных людей. Вот я и ищу героев своей будущей повести.

В кассах Киноцентра на Краснопресненской – давка. Покупаю билет, даже не спросив, на какой именно фильм, мне все равно. «В зал номер три, пожалуйста». Почему-то последний билет, все раскупили.

В зале темно, фильм уже начался. Название, по странному совпадению: «Небо над Берлином». Про акробатку, которая летала под куполом цирка с искусственными крыльями. В нее влюбляется ангел, живущий на крыше собора святого Павла в Берлине. Он чувствует ее одиночество, читает ее мысли, приходит к ней во снах. Цирк закрывается, девушка-акробатка остается совсем одна, не знает, куда ей теперь идти. И тогда ангел отказывается от вечности, чтобы стать обычным смертным человеком и быть с ней.

Фильм начинается словами, которые могли бы быть хорошим эпиграфом, я записываю их на всякий случай в записную книжку:

«Когда ребенок был ребенком, у него ручки свисали вдоль тельца, так он и ходил. И хотелось ему, чтобы этот ручеек был речкой, речка – многоводной рекой, а эта лужица – морем.

Когда ребенок был ребенком, он не знал, что он ребенок, его все воодушевляло. И все души были для него единым целым.

Когда ребенок был ребенком, была пора задавать такие вопросы: почему я – это я, а не ты? Когда началось время и где кончается пространство? И не сон ли всего-то наша жизнь? Может быть, это только иллюзия мира, не настоящего мира? И существует ли на самом деле зло и люди, которые по-настоящему злы? И как может быть, что я, будучи самым собою, раньше не был самым собою? И как может быть, что я, будучи самым собою, когда-нибудь буду тем, кем сейчас не являюсь?»

Повезло же девушке-акробатке, а еще режиссеру и сценаристу. Вот это история! Мне хочется верить в любовь, и я верю, что так может быть. Что когда-нибудь подобное может случиться и со мной, – найдется ангел, который поймет, полюбит меня и спасет.

И когда-нибудь потом я обязательно напишу про это.

* * *

Вечером звонит Коля, как ни в чем не бывало, болтает всякие новости редакции. Что гонорары так и не начислили. И еще, что сегодня компьютеры редакции нечаянно подцепили новый вирус. Теперь вся система на два дня вышла из строя. Почему-то слушаю его, смеюсь, не бросаю трубку, не даю понять, что обижена. Неожиданно, он сбивчиво просит прощения за вчерашнее. Говорит, что у него поехала от меня крыша, и он сам не понимал, что вытворяет. Желая загладить вину, кротко приглашает завтра на выставку фотографий.

Я опаздываю, иду быстро-быстро, а потом почти лечу через парк. Сквозь свежую листву светит солнце, как золотой глаз с длинными ресничками лучей. Я бегу мимо черных и серых стволов, чувствую, что жива, мелькают ветви с сочными нежными листьями, земля, камешки дорожки, клочки неба, голубого-голубого и чистого, что, как ни старайся, такое не нарисуешь. А где-то в городе, в центре ждет меня пока непонятный человек, он как будто читал мои мысли, понял, что был не прав, извинился, и меня уже тянет к нему. Сейчас я верю, что жизнь прекрасна. Мне кажется, что это и будет именно та история, где все получится.

Станция метро Кропоткинская похожа на античный храм. Почему-то всегда здесь вспоминаю тот день, когда проснулась в гостинице, у подножья горы Парнас. Было раннее утро, свежесть неба тянула на балкон, мельком увидеть и навсегда запечатлеть в памяти вершину горы. Я двигалась в полусне. Вдруг, сильный удар, съезжаю на пол, сжимаюсь, так сильна эта боль. Вход на балкон был закрыт дверью из прозрачного, толстого стекла, которое я не увидела. Чувствуя боль, я смотрела на Парнас, недостижимо и гордо вззирающий на меня.

В центре ярко освещенного, белого зала метро, долговязо прижавшись к колонне, ждет меня Коля в своей причудливой фуражке и в вельветовых штанах болотного цвета, с под-

тяжками а la Titanic, недавно вышедший и всеми любимый фильм. Он дарит мне белую розу. И в знак примирения на ломаном английском поет какую-то песенку.

Мы идем на выставку в Манеж мимо строящегося Храма Христа Спасителя, о чем-то говорим, я не замечаю улицы, а только вслушиваюсь в первые аккорды какой-то музыки.

– Знаешь, в Москве такие девушки, чуть что – сразу прыгают щучкой в постель. А ты ни на кого не похожа. Тот таксист, что нас вез, сказал, что я ничего не понимаю, что такая девушка, как ты, встречается раз в жизни. Он сказал, чтобы я бросил всех ради тебя. Он думал, что ты моя девушка, что мы давно знакомы.

* * *

На выставке фотографий в Большом Манеже мы ходим, будто пришли порознь. Каждый в своих мыслях. Я смотрю на фотографии, удивляясь, скольким люди жертвуют, желая прорваться к славе. Особенно поразил стенд «Fashion на кладбище»: могилы со свежими венками, а на переднем плане женские фигуры в черных прозрачных одеждах. Я спрашиваю Колю, нравится ли ему это. А он спокоен, его ничего не удивляет. Наблюдаю за ним искоса. Все больше и больше кажется, что он похож на вампира. В нем есть что-то дрянное, отталкивающее, холодное. Он истощенный. Голодный. Надломленный. Его кожа серо-зеленого цвета.

Зато мне очень понравилась одна фотография – рисунок на стене храма святого Павла – углем. Перед ней Коля принялся рассказывать, где они с родителями живут, произносил какие-то немецкие названия улиц. Под впечатлением от вчерашнего фильма, конечно же спрашиваю, смотрел ли он «Небо над Берлином». А он заявляет, что даже был на премьере, во Франкфурте.

– Вот, видишь, в стоящих работах все натурально, максимально приближено к жизни. Кажется, что снимок сделан случайно, без всякой предварительной подготовки, – с видом знатока объясняет он.

– Интересно, а если так же писать – не зная, что будет на следующей странице. Без всяких планов и задумок. Как будто диктует сама жизнь.

Он не ответил, потому что, погруженный в собственные мысли, разглядывал название какого-то коллажа. Роза завяла, мы незаметно оставляем ее в Манеже. На полу.

После выставки пошли в недавно открывшийся на Тверской клуб «Территория», пили кофе, он показывал альбом с фотографиями своих работ. Мне больше всего понравился один рисунок: на голубом холме, обхватив колени руками, грустит малюсенький, в бейсболке, ангел.

И тут немного потеплевший, разоткровенничавшийся Коля признается, что у него огромные проблемы с паспортом, с пропиской, с работой. Есть одна подруга, Валерия, на которой он собрался жениться, чтобы их решить. Взамен он обещал купить ей диджейские вертушки. Вся эта информация окончательно сбивает меня с толку. Я путаюсь в калейдоскопе его проблем и девиц.

* * *

По пути домой читаю Юнга, который тоже задавался вопросом, что отличает талантливых людей от сумасшедших, юродивых и придурков. Пишет, что псих несет всякий бред, а талантливый человек берет и делает. Рисует картину. Снимает фильм. И добывается понижения. Потому что талант, как черный ворон, севший на плечо, стремится жизнь человека в определенном направлении, подчиняет ее своим законам, затягивает в какой-то темный замкнутый круг. Смешно, но иногда я хожу в церковь и прошу у бога, чтобы он послал мне

талант. Интересно испытать, как это, когда ты одарен чем-то свыше. Интересно узнать это ощущение – что черный ворон таланта затягивает тебя куда-то.

* * *

Лето пролетело так быстро, будто кто-то в очереди к парикмахеру без интереса небрежно пролистал журнал и кинул его на место. Журнал упал и вылетело несколько страничек.

§Страничка первая

Как-то вечером я от нечего делать написала рассказ «Украденные улыбки». Позже тетушка, заместитель главного редактора, позвонила и торжественно объявила, что мой рассказ пойдет в следующий номер. Его напечатали в последнем номере журнала. На сорок шестой странице. Как раз перед закрытием.

Украденные улыбки.

По большой дороге на огромной скорости несется машина. Назад убегают огоньки домов и ночь. В машине едет человек, лет сорока, один. На заднем сидении лежит ружье, заряженное. Шумит двигатель. Человек хмур и полон мрачной решимости. Сквозь холод и дождь его куда-то несет. Он едет, чтобы больше никогда не вернуться. Есть одно местечко, придется ехать почти всю ночь, зато там тихо, безлюдно, никто не мешает. Вдруг, из темноты, рассеянной светом фар, возникает силуэт, одиноко голосующий на обочине ночи. Человек в машине сначала хочет проехать мимо.

«А, какая разница. Все равно», – думает он. И нехотя тормозит. Передняя дверь распахивается, заглядывает кто-то, слегка под шефе, бормочет название ближайшего городка и напряженно прибавляет:

- Сколько? – машина наполняется характерным запахом выпившего.*
- Денег не надо, – сухо произносит водитель.*

И кто-то радостно плюхается на переднее сидение рядом с ним. Живо и дружелюбно осматривается. Оборачивается. Замечает ружье. Машина пропитывается напряжением, слышно, как у попутчика начинают стучать вены в висках. Он нервно поглядывает на дверь, на всякий случай нащупывая ручку.

– Я Вас не трону, – спокойно произносит водитель, не отрывая взгляда от освещенного клочка ночной дороги.

- Вы преступник? – спрашивает мало обнадеженный попутчик.*
- Нет, просто стреляться еду.*

Кто-то резко поворачивает голову и в упор смотрит на водителя.

Машина мчится со скоростью 130 км /ч. Через открытое окно дует холодный ветер.

- Вы спятили?*
- Не слишком умный вопрос.*

Попутчик начинает тараторить:

– ЯнезнаюктоВы. НоуВаснеприятности. Этобывает. Можетбытьрасскажите, япомогу, еслиэтобудетвмоихсилах. Нельзяподдаваться состояниюаффекта и поступатьопротетиво. Яобецаю, чтопомогу.

После непродолжительного молчания, обдуваемого ветром и озвучиваемого лишь ревом двигателя, водитель спокойно произносит:

– Вы, что, Господь?

– Нет... зачем... я – хирург... врач... у меня связи...

– Почему тогда Вы, вдруг, решили мне помочь, почему приняли слишком близко к сердцу мое решение. Мы незнакомы... Разве я могу Вам верить? И можно ли вообще верить, разумно ли это? – задумчиво, откуда-то издалека изрек водитель.

– Я знаю, у Вас депрессия, это явно. Мой лучший друг – психиатр, вот такой мужик (попутчик сует водителю под нос кулак с оттопыренным большим пальцем), проблем не будет.

– Разве есть доктора, способные вылечить подгнившую совесть, забродившую душу?

– Нет, но мой друг – профессионал высокого класса, он такие чудеса творит, Вы даже не представляете! Помню, как-то он рассказывал об очень похожем случае из своей практики ...

– Только не надо пересказывать. Я здоров. Приехали – Вам выходить. Машина тормозит.

– Я не могу Вас оставить. Здесь. С ним, – он оборачивается и указывает подбородком на ружье – А как же ваша жена? Дети, родители? Вы подумайте минутку, что будет? Поставьте себя на место кого-нибудь из них, – шантажировал неугомонный врач.

– У меня никого нет, – человек за рулем курил в приспущенное стекло.

– Дык, может быть, в этом-то и коренится проблема? Дотяните до завтра, а там все найдутся.

– Завтра? Найдутся? Ну, если только какие-нибудь случайные дети. А Вам-то что?

– Любой нормальный человек на моем месте скажет, что это грех и это ужасно. А я, как врач, скажу более: там не будет ничего, кроме бессмысленного мрака, кроме пустоты. Разве можно вот так, как Вы, предавать жизнь. Это непозволительно, это безумно с любой точки зрения. Заклинаю, одумайтесь, поверните все вспять!

– Я теряю время на пустые разговоры. Они далеки от сути, – спокойно произнес водитель, задумчиво разглядывая темную даль.

Попутчик покидает машину, ныряя в ночь, отъезжающий слышит, как он продолжает что-то говорить-говорить самому себе. А бешеный двигатель толкает машину вперед. И шумит и шумит в сизой темноте.

Через пару километров что-то опять мелькает в свете фар, заставляя водителя притормозить. Передняя дверь распахивается. Заглянувший вежливо просит:

– Дарагой! Давэзи да ближайшей станции. Тут нэдалэко. Вот деньги. Памаги. Очэнь нада.

– Садись. А деньги спрячь.

Улыбающаяся физиономия и шелест убранных в карман денег. Кто-то, крикнув, усаживается рядом, настроенный «пагаварить, што за жизн пашла, адны праблэмы».

Далее следует непонятная тирада, в переводе, возможно, нецензурная. Водитель докуривает сигарету, пронзая взглядом лобовое стекло. Кто-то замечает ружье.

– Хххароший ружье! Ты оххотник! Уважжжжаю!

Его резко обрывают:

– Я не охотник, моя жена мне изменила. Я решил ее прикончить.

Осознав услышанное, попутчик характерно встряхивает руками:

– Ты иишито, опомнись! Канччай, слуициций! Умерь себя. Знаешь, у меня гостеприимный дом. Поехали. Моя жжжженица накроет стол. Щацлык. Вино. Пагаварым. Залэчим раны. У кого их нет! А завтра новый день. И все будет новое. И деньги. И женщины. И возможности.

– Спасибо, я вегетарианец и пью только виски. Как-нибудь разберусь сам. Вам выходить.

Незнакомец ныряет в ночь, растерянно жестикулируя в темноте.

Задумчивый человек едет дальше. Кажется, впереди снова кто-то движется по обочине. Он машинально тормозит, сам не зная, почему. Внутрь заглядывает девушка с очень грустными глазами и спрашивает:

– Подвезете?

– Куда?

– Вперед.

– Садись.

Она запрыгивает на заднее сиденье. Садится рядом с ружьем, совершенно не замечая его. Машина мчится. Девушка смотрит на вырванную светом фар и редких фонарей дорогу, на придорожную темноту. Человек за рулем разглядывает в зеркале ее лицо. Опущенные уголки губ. И впервые за эту ночь заговаривает сам:

– Что так кисло-то? Улыбнись!

– Да как-то сейчас не могу.

– А чего это?

– Разучилась улыбаться.

– Это как?

– Ну, так.

– Расскажи.

– А можно я лучше сказку расскажу?

– Давай, – хмурый человек сдерживает улыбку.

И она начинает сказку: «В одной стране жил-был принц. А в другой стране жила-была принцесса. На балу у одного знакомого графа они случайно встретились. Оказалось, что они похожи друг на друга, как две капли воды. И они полюбили друг друга так, как любят раз в тысячу лет. Сильно-сильно. Он подарил ей карету цветов, кольцо и белое платье. И на следующий день намечалась их свадьба. Наступила ночь. Принцесса спала. Видела во сне любимого и улыбалась. А на высокой горе в страшном сером замке с острыми башнями жила ведьма. Она собирала улыбки людей. У нее была целая огромная коллекция самых разных улыбок. Ночью ведьма превратилась в змею, вползла в открытое окно и украла улыбку принцессы.

На следующее утро принцесса проснулась и не смогла улыбнуться солнцу. Не смогла улыбнуться новому дню. Не смогла улыбнуться своим

родителям, королю с королевой. И даже принцу она в тот день не смогла улыбнуться.

А он подумал, что она его не любит так сильно, как он ее. Принцесса прошептала свое «да» в церкви, но принц не поверил, потому что она не улыбалась, и ему показалось, что у нее очень унылое, расчетливое лицо. Он подумал, что она любит кого-то другого. И уехал прочь. Навсегда. Тоже очень грустный...»

По щеке человека за рулем текла скупая, возможно, первая в его жизни, возможно, тридцать первая или три тысячи тридцать первая мужская слеза.

– А вот меня никто никогда не любил, – тихо признался он.

– Вы демон, да? – убежденно спросила девушка.

– Нет, напротив, я – добрый волшебник. А наш удел – одиночество и чудеса.

– Значит, Вас обязательно скоро полюбят, честное слово!

– Честных слов так мало... А к тебе вернется твоя улыбка. Завтра утром. Я обещаю. Вот увидишь!

Машина остановилась.

– Удачи, – шепнула грустная девушка и исчезла в ночь.

Он мчался дальше. И уже ждал следующего попутчика. Следующей была старушка, опоздавшая на последний поезд. Она ехала от школьной подруги, тоже старушки, домой, потому что голодная собака ждала ее и скулила. Бабушка сразу заявила, что денег у нее нет.

– А мне и не надо, – спокойно сказал водитель.

Они ехали, он молчал, а бабушка что-то говорила-говорила, потом заметила ружье и тут же умолкла.

– Еду грабить продовольственные склады, убью всех, кто помешает, – спокойно ответил он на молчание, пронзая взглядом лобовое стекло, – Вас не трону, так как бабушек очень уважаю и всегда в таких случаях берегу – добродушно прибавил он.

Старушка обрадовалась, что удастся еще немного пожить, накормить голодную собачку и довязать свитер. Через минуту она совсем успокоилась и пошла в наступление:

– Плохие шуточки, молодой человек.

– Я давно не молод и не шучу.

– Но это же насилие, грубость, бардак. Они сейчас повсюду. Хоть вы одумайтесь. На вид такой симпатичный. Порядочный. Ну, мало ли, что накатит. А надо себя в руках держать!

– Каждая минута таит в себе кусочек ада, – пробормотал он слова из любимой песни. – Всякая мысль – не более чем бессмыслица, и приносит боль... – пробормотал он слова из другой песни.

– А знаете что, остановите-ка машину. Что-то я в вас разочаровалась. Не нравятся мне ваши шуточки. Как-нибудь сама доберусь.

Гордо поправив пучок, она с несвойственной для бабушек ее возраста живостью выскочила в ночь. До места оставалось совсем немного.

Коля Ельников, художник 18 лет от роду расслаблялся в гостях на даче у друзей. Они пили пиво, болтали, заедая все это воблой, икрой и оливками,

слушали синтетическую музыку, и было «по приколу»... до тех пор, пока в 00 часов 47 минут не позвонила Колина девушка Женя и не заявила, что хочет, чтобы он срочно оказался рядом. Ельников, недолго думая, распрощался с друзьями и пошел в ночь, где голосовал под дождем на большой дороге, размахивая руками в надежде поймать какое-нибудь захудалое средство передвижения.

Послышался шум несущейся в нужном направлении машины, которая через минуту оказалась добротным джипом, что остановился возле спешащего к любимой художника.

Ельников энергично открыл дверь, увидел человека, которого тут же про себя обозвал «хмырем», и вежливо спросил:

- До города довезете?
- Денег не надо.
- А я не предлагаю, у меня сейчас ни копейки.
- До города не повезу. До полнута.

Ельников поморщился: «Сбой системы! Придется ловить другую машину. За нее уже точно запросят деньги. Женька ждет. Нехорошо». Он заметил ружье.

- А Вы случайно не стреляться едете?
- Совершенно верно, – ответил обрадованный догадливостью попутчика хмурый водитель и поинтересовался, – как ты угадал?
- Я насквозь вижу людей, – художник Коля сказал первое, что пришло на ум.

- Здорово. Хочешь, поедem со мной?
- Не, как-нибудь в другой раз, я пока стреляться не стремлюсь. Я жить хочу. Меня Женя ждет.

- А меня никто не ждет... И мне это даже нравится.
- «И не удивительно: кому нужен такой угнетающий хмырь», – подумал Коля.

- Ты не понял. Стреляться буду я. А ты потом заберешь и увезешь, куда захочешь, мою машину.

От услышанного Коля пришел в непонятное ему самому оглушенное состояние.

- «Все особенно странно этой ночью», – подумал он.

Они ехали, молча. Человек думал о своем, а оживающий постепенно Ельников пытался осознать значение свалившегося на него случая. По правую сторону дороги растянулось на многие километры необъятное поле. Остановились.

- Вот и приехали, – сказал человек. Их глаза встретились в зеркале.
- Скажи, а вот теперь ты хочешь, чтобы я жил? – торжественно спросил водитель.

Ельников в следующее мгновение успел про себя ругнуться и рассудил таким образом: «Если хмырь застрелится, на машине можно быстро доехать к Жене. Если останется жить, к Жене приеду позже, зато со спокойной совестью. Пусть живет. Заработаю, джип куплю года через два-три. А может и быстрее. С другой стороны, зачем мне джип, есть же много других хороших машин!?»

- Конечно, какие вопросы, – сказал Коля.
- Тогда бери ружье, выходи и стреляй в землю.

Ельников вылез и послушно стрелял в землю. Земля вздрагивала от боли и ужаса, содрогаясь на всю округу. Тем временем хмурый человек вынул из-под сидения какую-то папку, положил под мышку. Тоже вылез. Подошел к Коле и протянул руку:

– Ты хороший парень. Будем знакомы. Майор Кертис, эскавайр.

Ничему уже не удивляющийся Коля пожал широкую волосатую руку мужчины.

– Очень приятно. Художник Коля Ельников... не эскавайр... но когда-нибудь обязательно стану знаменитым. Вы обо мне еще не раз услышите.

– Обрати внимание, вон там ряд огоньков на поле. Это мой самолет. Я улетаю, а ты, счастливчик, гоняй на тачке.

– А зачем нужно было ружье и весь этот спектакль со стрельбой в землю?

Пилот услышал условленный сигнал и разогревает двигатель. Кроме того, не хочу оставлять отпечатков. До свидания.

– Чао, – бросил Ельников. Сел за руль, и, окончательно потеряв способность удивляться, поехал к своей девушке Жене.

Когда я вышла из машины, оказалось, что до города еще очень далеко. Вокруг была ночь. Шел дождь. Было холодно. И ни души вокруг. Грустные мысли поглощали меня: «Год длился долго... и больно... Последний разговор... Послушай!.. дальше нельзя... смотришь гордо... похожи... всегда только ты... даже не слушаешь... трудно... не хочешь понять... жалко... значит всё? Все».

Дальше было движение в разных направлениях. Непонятное ожидание, улыбка потерялась. Пустые улицы, череда лиц, проплывающих мимо. Ненужные слова, разбивающие тишину. Корни и ветви, пронзающие бессильные руки. Вернись! А этот молчаливый водитель пообещал, что все будет хорошо утром. Успокаивал? Куда же бежать от себя дальше? Я шла в город весь остаток ночи, раздумывая в темноте.

Утром хмурый майор Кертис, эскавайр, раскладывал в штабе перед коллегами бумаги. Он не думал ни о предстоящей высокой оплате труда, ни об отдыхе, вилах, женищинах; он с какой-то необычной грустью думал о змее, укравшей улыбку принцессы: «Надо начинать жить как-то иначе. Только вот как?»

Хирург, в операционной, держал в руке только что отрезанную селезенку и рассказывал другу-анестезиологу о приключении своей пьяной ночи:

– Нет, из меня психолог нулевой!

– Надо послушать последние новости. Не застрелился ли кто этой ночью на дороге...

– Точно, сейчас, дошью живот и пойдем.

Грузин ел сациви. И, вдруг, с ужасом, понял, что если узнает об измене своей женичины, тоже прибьет ее. От этого кусок сациви царапал ему горло: «Что за жизн, адны расстройства! #tyj\$%uk^&nm());jl_^qw%*

\$gizx#b%g?» – дальше мысль бурлила на родном ему и неизвестном автору языке.

Коля Ельников сидел за крохотным столиком в кофейне «Донна Клара», возле Патриарших прудов, смотрел сквозь окно на свой новенький джип, в пятый раз рассказывал о счастливой ночи своему другу журналисту Леониду и своей девушке, Евгении. Но они не верили ни единому слову:

– Ладно, хватит издеваться, – возмутилась Женя.

– Да я серьезно! – и он начал рассказывать все снова, в шестой раз.

Старушка вязала свитер и слушала радио, с нетерпением ожидая жутких новостей о ночном грабеже. Но почему-то ничего такого не передавали. Все последние новости касались вспышек коровьего бешенства, инфляции и наводнений.

Очень усталая, я вошла в квартиру. Ноги болели. Я сползла на пол, села на корточки, прислонясь к дверному косяку, и уловила писк телефона. Усталая рука снимает какую-то особенно тяжелую сегодня телефонную трубку. А там голос, который я с нетерпением, в тайне от себя самой, ждала целый год или даже дольше, десять, сто, тысячу лет.

– Где тебя носило? Я звонил!

– Это важно?

– ДА!

– Но год прошел?

– Ну и что? Мы вместе?

– Да.

В это время что-то стукнуло в оконное стекло. С улицы доносились голоса детей. Я вышла на балкон и выглянула во двор. За подоконник зацепился воздушный змей. У него была задорная улыбающаяся рожица. Ветер трепал его хвост с завязанными разноцветными бантами. И тогда я тоже улыбнулась. Впервые за этот год, впервые за эту тысячу лет...

\$Страничка вторая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.